

Кузин Андрей Васильевич

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 20-Х ГГ. XX В. В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Статья раскрывает такой аспект отечественной военной реформы 20-х гг. XX в. как национальное военное строительство. Оно является недостаточно изученным применительно к Сибири и Дальнему Востоку. Статья демонстрирует нетрадиционный подход к освещению темы на основе привлечения общесоюзного и регионального материала, представленного опубликованными и архивными источниками. Прослеживается влияние внутри- и внешнеполитических факторов на круг задач, ход и результативность национального военного строительства в стране и ее восточных регионах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 115-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 355:940.5(571)

Статья раскрывает такой аспект отечественной военной реформы 20-х гг. XX в. как национальное военное строительство. Оно является недостаточно изученным применительно к Сибири и Дальнему Востоку. Статья демонстрирует нетрадиционный подход к освещению темы на основе привлечения общесоюзного и регионального материала, представленного опубликованными и архивными источниками. Прослеживается влияние внутри- и внешнеполитических факторов на круг задач, ход и результативность национального военного строительства в стране и ее восточных регионах.

Ключевые слова и фразы: военная политика; обороноспособность; военная реформа; мобилизационные возможности; воинская повинность; национальное военное строительство; Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА); военный округ; красный командир; красноармеец; военные кадры.

Андрей Васильевич Кузин, д.и.н., профессор

Кафедра истории России

Благовецкий государственный педагогический университет

kuzin_a_v@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 20-Х ГГ. XX В. В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ[©]

Программные установки радикального крыла российской социал-демократии - РСДРП(б) - по национальному вопросу до 1917 г. базировались на соответствующих положениях марксистской теории. Последняя подразумевала замену лозунга права наций на самоопределение на лозунг самоопределения пролетариата каждой национальности после победы социалистической революции. Тем самым решение вопроса ставилось в зависимость от позиции рабочего класса, а не всей нации, населявшей ту или иную страну.

Замена деления мира по национальному признаку принципом интернационального сплочения рабочих обуславливалась теоретиками марксизма необходимостью союза пролетариата в борьбе за социализм. Исходя из этого, считалось необязательным поддерживать всякое требование национального самоопределения, ибо в каждом конкретном случае следовало учитывать прежде всего интересы классовой борьбы пролетариата за социализм. Тем самым большевики в случае прихода к власти оставляли за собой достаточно широкую свободу действий, вплоть до пересмотра границ и отказа в поддержке требований самоопределения наций.

Таким образом, борьба народов с национальным угнетением рассматривалась через призму разрушения буржуазной политической системы. При этом, если рабочие отделяющейся нации будут не способны обеспечить ее последующее возвращение в лоно многонациональной пролетарской революционной семьи, то обладающая государственной властью партия могла бы выступить с конкретным планом исправления положения в соответствии с конечными устремлениями рабочего класса. Наряду с этим подразумевалось, что такого рода «поддержка» может носить не только экономический, но и иной, в том числе военный характер.

Однако развернувшаяся гражданская война и интервенция вынудили большевиков пересмотреть прежние подходы, разрешив свободное группирование воинов по национальному признаку в рамках единых войсковых частей (соединений). Их личный состав за время гражданской войны и интервенции составил 10% общей численности (540–550 тыс. бойцов и командиров) Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

В рамках отечественной военной реформы 20-х гг. XX в. развернулось и национальное военное строительство, органично соответствовавшее одной из ключевых ее задач – экономии бюджетных средств на военных расходах. Поэтому в условиях массовой демобилизации и сокращения Вооруженных Сил ранее созданные на добровольных началах национальные части и соединения были расформированы. Однако после провозглашения СССР эта тема стала предметом особого внимания участников XII съезда РКП(б), состоявшегося в марте 1923 г. Основываясь на принятых его делегатами рекомендациях, проведенное в ЦК РКП(б) с 9 по 12 июня 1923 г. совещание с ответственными работниками национальных республик и областей приняло постановление «О практических мерах организации национальных войсковых частей» [4, с. 31].

Законодательное закрепление процесс национального военного строительства получил в Декрете Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) и Совета Народных Комиссаров (СНК) СССР от 8 августа 1923 г. «Об организации территориальных войсковых частей и проведении военной подготовки трудящихся». Последующему после его принятия периоду был присущ бессистемный рост национальных частей и их неоднократная организационная перестройка, вызванная общим реформированием советских Вооруженных Сил. К тому же, по сравнению с Украиной, Белоруссией, Закавказьем, где шагнула вперед промышленность, вырос рабочий класс, поднялась общая культура и грамотность населения, в целом ряде регионов СССР (в том числе, в Дальневосточном крае) национальные части получили очень слабое развитие. Кроме того, часть местных руководителей пыталась превратить такие формирования в ядро национальных армий, оторвав их от общесоюзной РККА. В связи с этой тенденцией состоявшийся в ноябре 1924 г. пленум Революционного

Военного Совета (ВВС) СССР определил как важнейшее условие обороноспособности советского государства сохранение полного единства Вооруженных Сил страны и потребовал, чтобы все национальные части строились, управлялись и обучались как и вся РККА. Такое заявление было весьма своевременным, ибо к концу 1924 г. в Красной Армии насчитывалось девять соединений и семь частей национального типа, а их личный состав достигал 1/10 части ее общей численности.

Обеспечить благоприятные условия и координацию проводимой на территории СССР военной политики с учетом особенностей бывших национальных окраин был призван созданный институт Уполномоченных Народного Комиссара по военным и морским делам (Наркомвоенмора) СССР при Советах Народных Комиссаров союзных и автономных республик. В обязанности Уполномоченных входило проведение приказов Наркомвоенмора, обязательных к исполнению на территории всего союзного государства. Уполномоченные не имели права осуществлять самостоятельные мероприятия в области обороны, ибо Конституция СССР 1924 г. определяла руководство Вооруженными Силами как исключительную прерогативу союзной власти. Централизация управления РККА лишала тем самым субъекты федерации реальной возможности влиять на определение военной политики советского государства.

В условиях восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства страны потребовалось определить место и роль новых организационных форм советских Вооруженных Сил в фактическом решении национального вопроса. В рамках военной реформы национальные части получают статус полноправных во всех отношениях формирований РККА. На III съезде Советов СССР (май 1925 г.) делегатами был принят даже пятилетний план развития национальных воинских частей по всей территории Советского Союза [7, с. 8].

Подготовленный накануне съезда специально созданной комиссией во главе с Ф. Э. Дзержинским, он был предварительно рассмотрен и одобрен на заседании Совета Труда и Оборона (СТО) СССР и учитывал потребности обороны страны, ее материальные ресурсы, прежде всего в сфере формирования военного бюджета. При его подготовке принимались во внимание экономическое, политическое и стратегическое положение каждой союзной и автономной республики; мобилизационные возможности, подготовленность населения к несению обязательной военной службы; наличие и перспективы подготовки командных и политических кадров для Вооруженных Сил страны. Исходя из этого, определялись виды национальных формирований, способы их комплектования и привлечения представителей той или иной народности на службу в армию.

Так, например, в союзных республиках (Украина, Белоруссия, Грузия и т.п.), где мужчины ранее проходили военную службу, предусматривалось формирование дивизий. Там же, где военное дело ранее не практиковалось, предполагалось вначале создание военных школ и кадровых (показательных) компактных подразделений, которые затем планировалось развернуть в соответствующие соединения и части РККА.

Что же касается автономных республик, то они (в соответствии с указанным планом) могли иметь батальоны и полки в составе расквартированных в регионе дивизий с общим командованием; а малочисленные народности, входившие в автономные образования внутри союзных республик – взвода и роты в составе дислоцированных здесь воинских частей и соединений.

В целом же сложились две формы привлечения нерусских народностей в армию: обязательная повинность (Украина, Белоруссия, Поволжье, Закавказье, Якутия и Бурят-Монголия, причем аборигены последних двух призывались исключительно в национальные части) и добровольчество (Казахстан, Средняя Азия, горцы Кавказа), практикуемые до начала 30-х гг.

План привлечения аборигенов Сибири и Дальнего Востока (на территории которых проживало 245406 якутов, 332554 бурят и монголов, 27900 киргизов, 40092 татарина, а также малочисленные народности – тунгусы, орочены, гольды, коряки и т.д.) предусматривал дифференцированное введение обязательной военной службы. Для якутов, бурят, монголов предполагалось направление их в соответствующие части, по мере потребности последних, начиная с 1925 г.; для татар Томского, Омского, Красноярского округов и бывшей Иркутской губернии - с 1926 г.; ойрот и других нацменьшинств, проживавших в Ачинском округе Ойротской автономной области и пограничных с ней областях Бийского округа – с 1927 г. Их привлечение планировалось первоначально в нескольких аймаках, а в последующем намечалось расширить географию призыва. Что же касается тунгусов, орочей, чукчей, ительменов и ряда других национальных меньшинств, то ввиду их культурной отсталости, оторванности от основных центров и резко выраженных бытовых особенностей они не привлекались к отбыванию обязательной воинской службы до поднятия общего уровня их развития и установления в районах их проживания административного управления [3, д. 3, л. 219, 220].

В соответствии с этим же пятилетним планом, национальные меньшинства из числа ранее освобожденных от воинской повинности, но проживавшие в городах и селениях среди русского населения и по своему бытовому укладу не отличавшиеся от него, привлекались к службе наравне со всеми гражданами СССР. В необходимых случаях вопрос о персональном их привлечении согласовывался с местными Советами депутатов трудящихся. Именно инициатива последних служила в большинстве случаев побудительным мотивом к началу работы по формированию национальных частей.

Примером может служить опыт их организации на территории Якутии. Президиум ЦИК и СНК Якутской Автономной Советской Социалистической Республики (АССР) ходатайствовали перед Москвой об образовании здесь национальной части. В ответном послании Наркомвоенмора СССР М. В. Фрунзе сообщалось о разрешении местным властям сформировать отдельную национальную роту с пулеметным

взводом. Данная часть была укомплектована 192 военнослужащими, из них командный состав представляли 27, красноармейцев – 164, а медицинский персонал – всего один военнослужащий. Причем командный состав подбирали из лиц, хорошо знавших не только якутский язык, но и военное дело. Как и красноармейцы, красные командиры (краскомы) набирались на добровольной основе из «социально близких» – бедняцких слоев, середнячества, трудовой интеллигенции при наличии обязательных рекомендаций. Одновременно началось укомплектование постоянным и переменным составом местной военной школы, готовившей младший командный состав.

В 1925 г., в соответствии с планом национального военного строительства, в Якутской АССР был впервые осуществлен призыв на действительную военную службу. Предполагалось, что удастся создать территориальный полк численностью 593 человека. Однако недостаточный уровень агитационно-пропагандистской работы, слабая советизация республики, отсутствие местного аппарата военного управления не принесли ожидаемого результата. Кроме того, сама призывная кампания дорого обошлась для казны – на каждого потенциального красноармейца было потрачено порядка 270 рублей, а на призывной пункт явилось всего лишь 14 аборигенов титульной национальности. Тем не менее, из неудачного первого опыта нельзя было делать вывод о нецелесообразности создания и развития национальных частей. Было признано рациональным несколько снизить темпы их формирования, составить более последовательный план привлечения национальных меньшинств к воинской службе, тщательнее готовить общественное мнение местного населения [6, с. 16].

В целом же, обучение бойцов национальных частей первоначально предусматривалось вести по установленным программам и, как правило, на родном языке, используемом и как язык управления, командования. В малочисленных же подразделениях, существовавших внутри частей Красной Армии, оно осуществлялось на русском языке, владеть которым вменялось в обязанность командного состава подразделений обоих типов.

Отсутствие разработанных уставов, учебной литературы, военной терминологии на языках многих народов СССР препятствовали качественной работе среди национальных меньшинств и личного состава национальных частей. Дискуссия о целесообразности использования тех или иных языков из существовавшего их общего многочисленного ряда на территории Советского Союза, проведенная в РККА в период 1925-1926 гг., и практика предшествующей работы позволили сделать однозначный вывод: обучение и воспитание личного состава нужно вести на родном языке, а управление и командование – на русском. Хотя командам, как было оговорено, можно было обучать и на национальном языке, если таковые были уже разработаны или имели место быть в перспективе.

Положительный опыт в этом отношении был накоплен в Бурят-Монголии. Здесь в июне 1925 г. местные Президиум ЦИК Советов и СНК приняли постановление о распространении Закона об обязательной военной службе на лиц коренной национальности, проживавших не только в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республике (БМ АССР), но и за ее пределами. С этой целью среди аборигенов развинулась разъяснительная работа. Проходившие собрания, конференции, съезды принимали резолюции, одобрявшие решение республиканских властей о призыве бурят на службу в советские Вооруженные Силы. Верхнеудинский уездный военный комиссариат был переформирован в военкомат БМ АССР и вошел в подчинение командования Сибирского военного округа (СибВО, в который с 1924 по 1929 гг. входила и территория Дальнего Востока). В конечном итоге, все это позитивно отразилось на дальнейшем ходе общего военного строительства и мобилизационной готовности БМ АССР [2, с. 148].

К началу 1926 г. на территории этой республики удалось сформировать первую боевую единицу – Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон. Однако дальнейшее развертывание здесь национальных формирований осложнялось активной агитацией против призыва бурят в Вооруженные Силы со стороны местных служителей религиозного культа. Они внушали молодежи призывного возраста необходимость строго придерживаться традиционных обычаев буддизма, категорически запрещающих его последователям брать в руки оружие. Негативно сказывалось и исторически сложившееся разделение бурят на две этнические группы – западных и восточных. Первые имели более высокий уровень культуры и успешнее могли овладевать необходимыми, в том числе военными, знаниями [8, с. 12].

Несмотря на имеющиеся препятствия и незначительный срок со дня своего создания, личный состав Отдельного бурят-монгольского кавалерийского эскадрона сумел достичь неплохих показателей в боевой подготовке и был отмечен с лучшей стороны на военно-политическом совещании СибВО в октябре 1926 г. Его участниками был рассмотрен вопрос «О национальных частях и подразделениях по национальному признаку». В итоговом документе совещания констатировалось, что на территории СибВО удалось укомплектовать на национальной основе: бурят-монгольский кавалерийский эскадрон, ряд частей 26-й стрелковой дивизии (77-й немецкий полк, рота корейцев 75-го полка, рота татар 78-го полка), отдельный взвод татар 103-го полка 35-й стрелковой дивизии, а вотяки были представлены в ротах и политшколах 108-го полка той же дивизии. В ходе совещания отмечалось, что в отличие от ряда частей, чей позитивный опыт можно было творчески использовать в дальнейшем, в служебной деятельности личного состава 77-го немецкого полка было много серьезных недочетов. В свое время данная часть была сформирована из немцев Поволжья, но из 952 красноармейцев 327 человек оказались неграмотными и к тому же лишь 30% говорили на русском языке. Отсутствовала и соответствующая литература на родном для немцев языке. Негативную роль сыграли и национальная замкнутость, политическая неграмотность, малый процент немцев среди командного и политического

состава части, что способствовало его разобщенности с красноармейцами, недопониманию особенностей и своеобразия их культурного развития [9, д. 102, л. 365, 366, 367].

Поэтому командованию и политотделу дивизии пришлось приложить немало усилий, чтобы постепенно изжить имевшиеся недостатки и проблемы в служебной деятельности части. Так, например, были приняты меры к качественному подбору командного и политсостава, переработана программа политзанятий в сторону большего освещения вопросов национальной политики, применительно к специфике личного состава полка, а также выделены средства на покупку литературы и другой печатной продукции, изданной на немецком языке.

Прямой противоположностью 77-му полку продолжал оставаться Отдельный бурят-монгольский кавалерийский эскадрон. В 1927 г. подразделение было преобразовано в кавалерийский дивизион под командованием Л. А. Бусыгина. Достигнутые личным составом дивизиона показатели неоднократно подтверждались результатами инспекторских проверок командования СибВО, а также на маневрах войск округа. Дивизион, насчитывавший в конце 1928 г. 346 бойцов и командиров, постепенно превращался в боевую единицу, способную решать задачи по защите советских рубежей. Особенно наглядно это показали события во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) 1929 г. В ознаменование своих заслуг, проявленных в ходе боевых действий, многие краскомы и красноармейцы этого дивизиона были награждены от имени Советского правительства боевыми орденами и медалями [1, с. 45].

Тем не менее, в силу внешнеполитических и идеологических соображений Москва постепенно свернула национальное военное строительство. 7 марта 1938 г. было принято совместное партийно-правительственное постановление «О национальных частях и формированиях РККА» [5, с. 179, 180]. На его основе 16 апреля 1938 г. был издан приказ наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова. Им предписывалось преобразовать национальные военные части, училища и школы в аналогичные общесоюзные учреждения, комплектуемые по экстерриториальному принципу, и перейти к призыву на военную службу граждан национальных республик и автономных областей на общих для всех граждан основаниях.

Список литературы

1. **Бурят-Монгольская Краснознаменная.** Улан-Удэ: Читинское книжное издательство, 1968. 109 с.
2. **В пламени и славе: очерки истории Сибирского военного округа.** Новосибирск: Сибирь, 1988. 389 с.
3. **Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).** Ф. 2. Оп. 1.
4. **Иванов В. В.** Национальные воинские части в СССР: опыт строительства и применения. Екатеринбург: АМЛИКС, 1997. 173 с.
5. **КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза.** М.: Политиздат, 1969. 476 с.
6. **Мальцев Е. В.** Деятельность Коммунистической партии по осуществлению военной реформы в войсках Красной Армии в Сибири и на Дальнем Востоке: 1924-1928 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1983. 23 с.
7. **Маркарян В. О.** Исторический опыт КПСС по организации и руководству национальными частями Красной Армии в годы мирного социалистического строительства: 1922-1938 гг. Баку: БВВПУ, 1975. 46 с.
8. **Намнанов Д. С.** Национальные формирования Красной Армии: автореф. дисс. ... к.и.н. Улан-Удэ, 1997. 24 с.
9. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. 372. Оп. 2.

NATIONAL MILITARY CONSTRUCTION OF THE 20S OF THE XXTH CENTURY IN SIBERIA AND FAR EAST

Andrei Vasil'evich Kuzin, Doctor in History, Professor
Department of Russian History
Blagoveshchensk State Pedagogical University
kuzin_a_v@mail.ru

The author reveals such aspect of the native military reform of the 20s of the XXth century as national military construction, substantiates that it is understudied in relation to Siberia and Far East, demonstrates non-conventional approach to the topic coverage based on all-Union and regional material presented by published and archival sources, and shows the influence of domestic and foreign policy factors on the range of tasks, progress and effectiveness of national military construction in the country and its eastern regions.

Key words and phrases: military policy; defensive capacity; military reform; mobilization capabilities; military obligation; national military construction; Workers and Peasants' Red Army (WPRO); military district; Red Army commander; Red Army man; military personnel.